

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 321

Режимные сравнения как социальные технологии Smart Governance

Г. А. Меньшикова, Н. А. Пруель

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Меньшикова Г. А., Пруель Н. А. Режимные сравнения как социальные технологии Smart Governance // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 3. С. 301–318. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.303>

В статье предлагается подход к Smart Governance как новому этапу государственного управления, при котором внедренные в рамках Public Administration принципы регулируемости, открытости и прозрачности управления усиливаются возможностями цифровой экономики, мониторингом и компьютерной обработкой информации. Аналитика во всей совокупности своих направлений становится способом контроля и методом совершенствования управления. Одним из направлений аналитики авторами статьи предлагается рассматривать режимную теорию, а точнее, режимные сравнения. Эта технология сравнительной оценки государств и регионов достаточно распространена в зарубежной науке, но редко применяется российскими учеными. Суть ее заключается в оценке, выявлении общих черт и отличий характеристик системы управления. В статье актуализирован подход к режимным сравнениям в оценивании деятельности государств: названы его отличия, направления оценивания и преимущества в использовании. Когнитивный потенциал метода раскрывается и конкретизируется на частном примере — оценке этических режимов. В статье называются десять критериев мировой практики их оценивания. На основании проведенного авторами мониторинга данных по сайтам выявлено наличие этических комиссий в органах власти и управления РФ, дается информация об уровне публичности их работы, оцениваются данные протоколов заседаний одной из комиссий за период с 2013 по 2017 г. Анализ протоколов позволил выделить три тренда в их оценивании. Первый — иницилирующее обсуждение лицо: жалобы населения, чиновники, представители комитетов, члены комиссии по оценке собранных личных данных. Второй — обсуждаемые вопросы. Третий — принятые решения. Итоговое заключение — комиссии стали положительным сдвигом во

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

внедрении Smart Governance, они актуализировали феномен конфликта интересов в данном учреждении, разработали процедуры правильного поведения.

Ключевые слова: Smart Governance, режимная теория, понятие и типология государственных режимов, структура этического режима в государстве, этические комиссии в РФ.

Smart Governance — новый этап государственного управления

В XXI в. в область осознанного (т. е. научным образом осмысленного и рекомендуемого) регулирования попали отношения управления поведением вообще (принятия коллективных решений) и государственное управление (governance) в частности. Ученые XX века разработали и частично реализовали на практике теорию Public Administration¹ — модель принципиального нового типа государственного устройства, где управление должно осуществляться во имя благополучия граждан и по возможности при их участии (хотя бы в форме активного контроля).

Общие принципы Public Administration были озвучены в последнее десятилетие XIX в. Законченную форму они приобрели с 60-х годов XX в., когда сначала в США, а затем и в большинстве стран мира были приняты законы, гарантирующие свободу информации (“Freedom of Information Act”, 1966; впоследствии принципы открытого правительства были закреплены в “Open Government Act” (2007)).

Считается, что примерно в это же время начинается вступление западных стран в новый период функционирования управления — Smart Governance (умное правление). Это словосочетание было впервые использовано, по мнению ряда исследователей, в том числе Х. Щель и М. Щель [2, с. 165], в небольшом и неопубликованном отчете Мирового Банка в 1997 г. («Re-thinking civil service reform: An agenda for smart government (Poverty and Social Policy Working Paper)», автор Б. Нунберг). Позднее оказалось, что почти одновременно его использовали в Индии в штате Андхра-Прадеш, характеризуя им степень компьютеризации правительства [3, с. 401–410]. Его активно использовал Б. Клинтон, формулируя задачи перед новой администрацией.

Учитывая, что целостная концепция Smart Governance еще формируется, назовем ее принципы, сформулированные на данный момент: (1) применение электронных или цифровых технологий в управлении; (2) использование ИКТ для трансформации жизни и/или рабочей среды; (3) их внедрение в систему государственного управления; (4) использование сетей, объединяющих (по сегментам) правительство, бизнес, территориальные структуры государственного и муниципального управления [4].

Внедрение принципов Smart Governance означает, как правило, дальнейшее углубление демократии. Как известно, на разных этапах развития общества, демократизация реализовывалась по-разному. В древности это было прямое участие жителей в принятии управленческих решений («первобытная демократия»). В Средневековье и Новое время область демократии сузилась и установилась так называемая выборная демократия. В настоящее время осуществляется переход

¹ Подробное описание содержания термина Public Administration как характеристики современного этапа системы государственного управления предложено авторами данной статьи в учебнике «Государственное и муниципальное управление: Public Administration» [1].

к новому типу демократии. Его основа — прямое участие населения (различных групп и институтов, его воплощающих) в управлении государством через процесс принятия политических или управленческих решений² [5]. Общественное устройство типа Smart Governance, создавая информационное обеспечение этой трансформации, формирует основу перехода.

Определяя суть понятия, ученые не пришли к единому мнению. Одни авторы [5] утверждают, что это — один из этапов открытого правительства, другие [6, с. 1–30] — что это самостоятельный феномен, отражающий, прежде всего, появление новых технологических возможностей получения информации для эффективного управления. Соответственно и возникновение Smart Governance датируется ими по-разному. Первое направление относит его к 60-м годам XX в., второе — к более позднему времени, периоду правления Б. Абамы.

По мнению Х. Уиллке, автора одной из первых монографий на эту тему, Smart Governance — «аббревиатура совокупности принципов, факторов и возможностей, составляющих форму управления, способную справиться с условиями и потребностями общества знаний» [7, с. 165]. Продолжая анализ, автор характеризует его как «перестройку формального демократического правления».

Все исследователи Smart Governance указывают на обязательность принятия как данности его сложности и неопределенности, равно как и необходимости создания инфраструктурных условий: формирования компетенций и архивов баз данных. Ими изучается влияние всего агломерата сильных и слабых факторов, таких как нормы, политические курсы, практики, технологии, навыки — на скорость и глубину социальной трансформации. По мере развития инфраструктуры становятся значимыми такие факторы Smart Governance, как нацеленность на реальные социальные проблемы, расширение возможностей и повышение степени реализуемости поставленных задач, участие стейкхолдеров, постоянное совершенствование, координация, широкий допуск населения к открытому правительству и информационным базам.

Формулировка цели развития Smart Governance остается дискуссионным моментом. Ганс и Маргарита Шюль [8] признают таковой «сохранение и развитие социального благополучия и благоустроенности в XXI в.», выделяя при этом три вызова, которые ей противостоят: «третья промышленная революция», «ускорение изменений и отсутствие времени для выбора наиболее эффективных форм влияния», «возрастающие правительственные расходы и увеличивающийся долг общественных финансов» [7, с. 167]. Они называют восемь приоритетных областей Smart-регулирования: (1) бюджетное/контролирующее оценивание, (2) электронное правительство, (3) безопасность и охрана свобод личности с учетом проблем, внесенных новыми информационными коммуникациями, (4) мобильность электронных носителей, (5) развитие электронной инфраструктуры и рост масштабов включенности населения в новые коммуникации, (6) соучастие населения и власти в управлении, (7) открытый доступ к большим данным, (8) открытое правительство.

Наиболее значимый потенциал Smart Governance исследователи видят в технологических возможностях, позволяющих активизировать население, включен-

² Более подробно процесс принятия политических решений описан нами в учебнике «Основы государственного и муниципального управления. Агенты и технологии принятия политических решений» [5].

ное в многообразные социальные сети, при формировании актуальной повестки (Agenda setting) направлений регулирования. Некоторые страны разработали специальные программы учета мнения населения по отдельным вопросам. Примеры взаимодействия правительства с населением через интернет-сети проанализированы в докладе авторитетной аудиторской фирмы — Pricewaterhouse Cooper (PWC). В нем были выделены программы, например, в США — по здравоохранению и социальной защите, образованию, контролю расходования бюджетных средств, в Австралии — по оценке качества обслуживания населения городскими властями, в Индии — формирования электронного правительства, а также контроля за финансированием сельского хозяйства [9].

Как справедливо отмечают зарубежные авторы, Smart Governance — это и обоснованность принятия решений, и развитые институты контроля (прозрачности), и высокие этические требования, предъявляемые к людям, стоящим у власти. Построенное на мониторинге, сборе и цифровой обработке аналитических данных, оно углубляет потенциал регулирования и социального контроля, обосновывая формы и методы подотчетности структур управления обществу (экспертам, СМИ, населению), их включенность в систему кадровой ротации руководителей городов, регионов, стран. В ряде документов оно напрямую связано с организацией контроля над коррупцией [10].

Smart Governance находится на стадии формирования. Исследователи изучают и оценивают его, не претендуя на окончательные суждения. Заметен прогресс в распространении его принципов и методов. Сначала оно охватывало города, затем — регионы и государства. Принципы smart regulation применяются на уровне частных корпораций и в государственных организациях. При этом реальная эффективность его внедрения рядом ученых ставится под сомнение [11, с. 303–320], что не столько дискредитирует потенциал самой модели управления, сколько выявляет факты его имитации, когда методы smart regulation якобы используются, но на самом деле отсутствуют.

Методология Smart Governance вызывает вопросы и у теоретиков, и у практиков. Пока неясной остается суть определения. Какие атрибуты управления системой нужно считать обязательными: разумность (оптимальность) принятия решений, применение ИКТ или участие населения? Какая их доля достаточна, чтобы считать «Good governance Smart» (хорошее управление умным)? Является ли Smart Governance общим для всех и реальным принципом развития?

Не меньше вопросов у практиков: любая ли (с точки зрения уровня развития) система может стремиться к Smart Governance? Что делать с областями регулирования, не соответствующими достижению современных ИКТ: отсталыми предприятиями, депрессивными регионами и/или работниками, не обладающими должными компетенциями? Какие факторы обеспечивают успешность на пути к Smart Governance?

Понятие «режим» и технологии режимных сравнений

Уже на этапе Public Administration общество перешло от технологии координации социальных действий к регулированию, т. е. на смену неорганизованному, часто волюнтаристскому взаимодействию лидеров правительств пришло обязатель-

ное регулирование государствами своих решений, политических и экономических курсов. Нормы и правила регулирования были прописаны в законах и актах государств, легитимированы системой международных договоров и контролируются как государственными, так и общественными (независимыми) институтами. Развитые страны выявили готовность к некоторому ущемлению своих национальных интересов во имя прогресса и развития цивилизации в целом. Они согласились к подконтрольности действий своих правительств со стороны ученых, экспертов, СМИ ради внедрения разумных и социально ориентированных норм и ценностей.

Технологии социального контроля, начавшие формироваться в обществах с Public Administration и усиливаемые возможностями цифровой аналитики Smart Governance, многообразны. К ним можно отнести проведение рейтингов стран (по направлениям), формирование отчетных правительственных (например, ежегодных) докладов, обязательное участие в сравнительных исследованиях, организацию публично доступных мониторингов данных и др. К таким технологиям нужно отнести и режимные сравнения, которые проводятся и между странами, и внутри стран — между регионами.

При переходе к этапу Smart Governance потенциал технологии режимных сравнений усиливается за счет того, что сравнения становятся более обоснованными, учитывающими большее количество факторов, подкрепленных применением математических расчетов и моделей.

Итак, «режимы» (regime, codes) — заданная система показателей, используемая для оценки качества управления системой в целом или ее отдельными направлениями. Этимология слова связана с латинским корнем *regimen* — кормило, управление, руководитель.

Широко известны политические, демократические, экологические режимы, хотя ученые разработали и используют их гораздо больше: благополучия, благосостояния населения, развитости и действенности законодательной системы, по отдельным проблемам, типа рыболовства или лесного хозяйства и другие.

В российской науке применение категории «режим» относительно ново, хотя сам термин используется давно. Распространены его негативные значения: тюремный режим и постельный режим, что обозначает, соответственно, ограничения в правах заключенных либо в диапазоне деятельности заболевших людей. Вслед за мировой практикой термин «режим» как научную категорию стали использовать ученые-международники (политологи и юристы). Назовем лишь некоторых: В. В. Архипова и О. А. Комолов [12], Е. В. Капаева [13], В. Г. Ледаев [14], А. В. Оболонский [15].

Отметим попутно, что и здесь термин «режим» имеет негативное звучание, противопоставляя две категории: политический режим и политическая система. Первая ориентирована на модели управления, сфокусированные на централизации институтов государства, вторая — общества (включая правительство и альтернативных акторов принятия политических решений).

Понятно, что у категории «режим» и понятий, обозначающих негативные практики, есть общая основа. Все режимы связаны с легитимными требованиями, т. е. базируются на законах или установленных практиках подчинения. Они содержат несколько параметров: законодательную базу, их обосновывающую; практики применения, их воплощающие; ограничения в правах или в соблюде-

нии собственных интересов, наказания за их несоблюдение и др. Использование понятия «режим» предполагает не просто запрет, но и его обоснование, а также санкции за нарушение. Так, нарушившие нормы постельного режима в больнице могут быть принудительно выписаны, нарушителей тюремного режима наказывают карцером, продлевают сроки наказания. Население, проживающее в странах с политическими режимами, подчиняется соответствующим нормам: оно согласно с передачей власти по наследству (монархический режим), с доминированием интересов лидера (центра) (автократические режимы) или военных (диктаторские режимы).

При этом в отличие от политических режимов другие виды: этические, экологические и т. д. — основаны на добровольно принимаемых запретах или ограничениях. На практике их, возможно, принимают под нажимом или в обмен на какие-либо льготы или условия, но мотив преимущества коллективной (общей) выгоды над индивидуальными интересами присутствует.

Основой применения категории «режим» является режимная теория (или теория режимов). Научный дискурс «режимов» как обобщенных показателей деятельности национальных правительств по конкретному направлению и по заданным параметрам оценивания возник в 80-х годах XX в. Его предложили: Дж. Рагги [16], С. Д. Крайснер [17], Р. Кохан [18], Ф. Краточвил [19], О. Янг [20] и др.

Один из основоположников теории С. Д. Крайснер дает следующее определение режима — это набор явных и неявных «принципов, норм, правил и процедур принятия решения, вокруг которых ожидания акторов сходятся в данной области проблем» [17, р. 96]. Социологический подход к категории углубляют Ф. Шмиттер и Л. Терри: «Режим или система управления — это совокупность образцов поведения, которые определяют методы доступа к основным государственным общественным учреждениям; характеристик акторов, напрямую показывающих, соответствуют они им или нет; а также правил, которым нужно обязательно следовать при принятии публичных решений. Чтобы работать должным образом, эта совокупность должна быть институционализована, что означает, что правила поведения должны быть общеизвестны, практиковаться и быть принятыми если не всеми, то большинством акторов. Все более и более предпочтительный механизм институционализации фиксируется законодательно, включая текст конституции, хотя многие из политических норм могут иметь неформальную основу, что продиктовано благоразумием или традициями» [21, р. 76].

Ограничимся этими определениями, имея в виду, что применительно к нашей задаче — выявить новые аналитические конструкции, применяемые Smart-регулируемым, — наибольший интерес представляют режимные сравнения, а не теория. Некоторые авторы, например К. Доудинг [22], предлагают рассматривать теорию режима не как автономное направление, а как концепцию, обосновывающую логику метода режимных сравнений.

Следует отличать режимы от обычных сравнений, включая рейтинги. Режимы предполагают, во-первых, определенное форматирование, т. е. заранее разработанные и оговоренные параметры оценивания. Их перечень можно рассматривать как второй отличительный признак. Он состоит не только из принятия законов, но и учитывает оценку их включенности в практическую деятельность: наличие систем образования, популяризирующих разумные правила поведения, институ-

тов контроля, форм подотчетности, увязанность итогов оценки с ротацией кадров руководителей. Режимы в большей мере выполняют функцию технологии управления, а не анализа.

Сравнения могут проводиться между странами, а могут и в динамике. Примером второго подхода может служить практика соблюдения требований этического режима в Канаде. Здесь председатель национального этического комитета составляет ежегодный доклад и передает его премьер-министру страны, а также публикует. Соответственно итоги комитета не могут не учитываться премьер-министром, парламентом, населением при оценивании работы учреждений, а также ротации руководящих кадров.

Практика режимных сравнений между странами встречается чаще. Назовем международные соглашения, составленные в виде режимных норм: «US-Canada Great Lakes water quality regime» и применяемые для сравнения качества демократических институтов в различных странах «Well-fare regime» (режим благополучия), «Well-being regime» (режим качества социальной жизни), «Human rights regime», «Ethic regime».

Режимные сравнения проводятся как минимум на трех уровнях: региональном (городском), национальном и интернациональном. Так, городские политические режимы — smart cities — впервые описаны, по утверждению В. Г. Ледяева [14], в книге Кларенса Стоуна «Режимная политика. Правление в Атланте. 1946–1988 годы». Сравнение городских режимов стало исходной формой оценивания эффективности правления (governance). Международные режимные сравнения — второе направление исследований — возникло в 1980-е годы. Широко известны проблемные (региональные) межотраслевые режимные сравнения, например макроэкономического регулирования [23], факторов, обуславливающих установление политических режимов и их сменяемость [24], контроля (надзора) [25], организации чего-либо, например, рыболовства [26]. В свете современных проблем актуальным выглядит исследование режима санкций [12] и многие другие.

Помимо описания регулирующих институтов, каждая из данных публикаций углубляет теоретический потенциал методик проведения режимных сравнений. Так, Дж. Гамельтон [23] на примере влияния экономического кризиса США применил математическое моделирование к оценке вариантов резкого изменения режимных условий функционирования системы — разломов. А. Димитраки [24] на основании данных по 20 европейским странам предложила математическую модель, устанавливающую степень влияния политического режима (точнее, уровня его нестабильности) на уровень развития экономики. Проведя корреляционный анализ, автор установила факт влияния, но не прямого, а опосредованного степенью нестабильности режима. А. Стокке [26] предложил систему оценивания эффективности применения режимных сравнений для решения конкретных задач (развития рыболовства). Он выделил четыре критерия. Первый — нацеленность режимных требований (ограничений) на решение конкретной проблемы в виде действенного влияния на акторов процесса (в данном случае на рыболовные предприятия). Второй — зрелость институциональных механизмов регулирования. Третий — учет всей системы факторов, формирующих поведение акторов в направлении решения проблемы. Четвертый — аналитическое оценивание на основе применения Осло-Потсдамского подхода, построенного на сопоставлении реальных результатов

с теми, которые были бы достигнуты либо при его отсутствии, либо при его более совершенной форме.

Как указывалось выше, полем для режимных сравнений может быть и временное осмысление политических событий — хронополитика. Репрезентация политического во времени представлена в работах А. Бадью. Этот автор анализировал изменения механизмов организации систем власти, конструируя «прошлое в настоящем» и «настоящее в будущем» [27]. Его российский последователь В. Г. Ледяев [14] предложил «архитектоническую модель институциональных режимов». В основе его подхода — предположение, что устойчивость режимов определяется теснотой конструктивной взаимосвязи социальных институтов четырех уровней: микросоциального (межличностные взаимодействия), мезосоциального (взаимодействие личности с институтами), макросоциального (отношения власти и общества, стран и мира в целом) и метасоциального (воплощающего конструирование идеального типа политического правления: демократии, коммунизма...). Пока это предложение выглядит чисто гипотетическим, но думается, что по мере развития Smart Governance социологи смогут его доказать (или опровергнуть).

Бесспорно, темпоральный подход углубляет потенциал режимных сравнений, объясняя многообразие паттернов социального и политического действия, включая сочетание формальных и неформальных «правил игры», а также принципа “path dependence” (зависимости от уже пройденного пути).

Подводя итог нашим рассуждениям и заостряя внимание именно на социологическом звучании категорий «режим» и «режимные сравнения», приведем цитату из высказываний современных исследователей А. Хесенклевера, П. Майера, В. Роттбергера. Они предлагают рассматривать режимные сравнения как институт, фиксирующий обязанности социальных акторов по исполнению обещаний или соблюдению принятых правил игры (поведения). Они пишут: «Создавая разделенные ожидания (shared expectations) о подходящем (appropriate) поведении и обеспечивая необходимый уровень открытости в конкретной области, режимные сравнения помогают государствам (другим акторам) кооперироваться, т. е. получать дополнительные плоды в виде роста благополучия и надежности» [28, p. 4].

Думается, что и режимные сравнения, и Smart Governance можно рассматривать как аналитические конструкции, объясняющие новые процессы и явления, помогающие управлять ими и современным обществом. Бесспорно, что это — современные формы социального самопознания или технологии аутопойесиса, выявленные и описанные Н. Луманом [29]. Следуя его логике, можно утверждать, что обе конструкции воплощают всемирные модусы социального бытия: моральность, разумность, целеполагание, историчность... Они формируют социальные идеальные обобщения типа «мифов» (в Древнем мире), «божественного миропорядка» в Средневековье или «идеального порядка» в Новое время. Основываясь на новых научных и познавательных возможностях общества, эти две конструкции можно оценить как объективные параметры современной эпохи и нового порядка в социальных системах.

Этические режимы и Smart Governance

Рассмотрим потенциал этических режимов в развитии Smart Governance. Отметим, что направления «умного регулирования» могут быть различными и даже противоположными. Так, китайское правительство планирует ввести в 2020 г. (под эгидой Smart Governance) систему так называемых социальных кредитов личности, или баллов, предоставляемых каждому жителю исходя из оценки его социального поведения. Их будут повышать за качество труда, лояльность власти, участие в предложенных коммунистической партией социальных акциях: субботниках или демонстрациях. Наоборот, за факты негативного поведения: нарушение дисциплины труда, участие в антиправительственных мероприятиях, совершение уголовных преступлений или мелких проступков, например нарушения правил дорожного движения, — итоговый балл будет снижаться. «Балл социального кредита» планируется использовать при распределении благ: жилья (например, давая разрешение на прописку в крупных городах), пенсии, медицинского страхования, возможности обучения детей в государственных вузах и т. д.

Противоположную направленность выявляет практика формирования этических кодексов правительства. Здесь, наоборот, в фокус оценки попадают чиновники, руководители коммерческих структур, государственные учреждения или институты. При всей значимости этого направления, исследования показали [30–32], что пока единицы стран приняли такие кодексы и контролируют их соблюдение.

Следует различать этические режимы, этические кодексы и кодексы поведения. Этические режимы отражают глубинные процессы регулирования норм этики. Они реализуются не столько в изменении законодательства, сколько в рутинизации (становлении привычными и необходимыми) практик их применения. А. В. Оболонский [15], описывая опыт Канады, активно применяющей эту технологию социального контроля, приводит такие данные: изменение законодательства оценивается как 10 % содержательности реформ, структурные преобразования системы составляют еще 20 %, остальное — «перестройка культуры взаимоотношений как внутри аппарата, так и в его взаимоотношениях с обществом, и политическим “верхом”, самой атмосферы государственных учреждений» [15, с. 53–54].

Мировая практика выделила следующие 10 компонентов этического режима [15]: (1) наличие официальных документов, фиксирующих этические ценности; (2) глубина и жесткость ответственности за их соблюдение, что отражено в уровне документа: акт правительства, кодекс законов, указ президента, распоряжение министерства и др.; (3) наличие зафиксированных «дорожных карт» или прописанных сценариев действий в случае необходимости защиты честного чиновника; (4) адаптация этических требований к общей работе организаций и учреждений; (5) увязка требований с внутренними документами организаций, включая коллективные договоры; (6) открытость информации о наказаниях за нарушение норм; (7) использование этических оценок как основы карьерного роста чиновника; (8) наличие лица и органа, ответственного за этический контроль; (9) обязательность обучения этическому поведению; (10) этический аудит.

Этические кодексы фиксируют видимую, определяемую сравнением законодательств часть этических требований. Так, исследователи из Международного банка (МБ) [30] определяют их как общие документы, в которых прописаны правила

поведения (законодателей) без обоснования норм и перечня наказаний, которые последуют за их нарушением. Их следует отличать от кодексов поведения, которые предполагают перечень ситуаций и указаний на то, как правильно на них реагировать, а также наказаний в случае неправильного поведения. Другим отличием между ними является область распространения норм. Кодексы поведения шире, они регулируют дисциплину труда, соблюдение семейно-брачных обязательств.

Это различие между понятиями не отрицает их взаимной обусловленности. Так, названное выше исследование [30] показало, что наличие этического кодекса повышает интерес к правильному поведению. В ходе его проведения было выяснено, что в разных странах названия и структура актов различны, хотя и имеют общее основание: перечень ситуаций, понимаемых как конфликт интересов. Было выделено 22 параметра отчетности: обязательность предоставления налоговых деклараций (1), включающих выявление источников дохода (2), инвестиций (3), доход бизнес-партнеров (4), с указанием доли участия чиновника в бизнесе (5), владение недвижимым имуществом (6), руководство фирмами, обуславливающее кредитные обязательства (7), лизинг (8), контракты с общественными организациями (9), владение акциями (10), представительство в государственных организациях (11), сборы и гонорары (12), получение профессиональных лицензий (13), возмещение расходов на поездки частными фирмами (14), депозиты (15), кассовая наличность (16), договоры страхования (17), частная занятость (18), оказание профессиональных услуг (19), идентификация доверия доверительным управляющим (identifications of trust by trustee) (20), идентификация доверия бенефициаром (identifications of trust by beneficiary) (21), список ближайших родственников и их финансовые активы (22) [30, с. 9–10].

Ученые составили и общий список запретов для парламентариев. Так, им запрещено использовать государственную должность для получения личных вознаграждений (1), влияния на официальные действия (2), распространения конфиденциальной правительственной информации (3). Они не могут занимать (без особого разрешения) любые должности в течение двух лет после своего депутатского срока (4). Им запрещено получение подарков (5), сборов или гонораров от частных лиц (6), прописаны правила поведения в ситуациях с конфликтами интересов (7), запрещен nepotизм (служебное покровительство родственникам) (8), политическая активность (9), участие в конкурсных торгах (10), внешняя занятость (11), предпринимательская деятельность (12), оплата проезда не из государственных средств (13) [30, с. 10].

Проведенное МБ исследование затронуло 181 страну. Оно показало, что кодексы поведения имеют место в большинстве парламентов. В них чаще всего обозначаются: открытость финансовых доходов (семьи) (уже на 2004 г. его применяли 23% парламентов) и ограничения на параллельную занятость. Во многих странах была разработана единая процедура регулирования ситуации с конфликтом интересов — обращение в специально созданные органы, хотя сама система действий, как выяснилось, предполагала вариации.

Учитывая полезность информации для использования в РФ, приведем систему наказаний, применяемых при нарушении этических норм парламентариями (табл. 1).

К интересным выводам пришли ученые ЕС (из «Национального демократического института»), проводившие похожее сравнительное исследование этических

кодексов, регулирующих поведение членов национальных офисов стран, входящих в Европейский парламент [31]. Они выявили и публично признали отсутствие полной прозрачности этических документов, трудности в получении данных и информации [31, с. 7]. Понятно, что часть трудностей обусловлена особенностью организации, где национальные интересы переплетаются с общеевропейскими. Это исследование выявило, что этические кодексы в Европе эффективнее действуют применительно к учреждениям, но не правительственной системе в целом [31, с. 11].

Таблица 1. Система наказаний, применяемых для парламентариев, нарушающих этические нормы

Страна	Допустимое наказание	Орган, выносящий решение
1. Остров Фиджи	Потеря мандата	НА (национальное собрание)
2. Гренада	Предупреждение, выговор, приостановка выступлений (suspension), снятие с должности (order to withdraw)	Палата представителей
3. Индия	Потеря мандата, выговор, тюремное заключение, приостановка выступлений, высылка (expulsion)	Верховный суд, «Народная палата»
4. Израиль	Освобождение из числа членов, предупреждения, устное замечание (rebuke)	Спикер палат, этическая комиссия Кнессета
5. Япония	Потеря мандата, предупреждение о соблюдении стандартов (admonition to abide standards), запрет на посещение заседаний на какой-то срок	Комиссия по политической этике
6. Филиппины	Тюремное заключение, потеря права занимать государственные должности	НА (национальное собрание)
7. Великобритания	Судебное разбирательство (committal), предупреждение (reprimand or admonition), приостановка права на выступления (suspension from the house), высылка	Палата общин
8. США	Наказание (censure), выговор, штрафы (fines), потеря права на статус старшего (loss of seniority), высылка	Палата представителей

Источники: [30, с. 13–14].

Кафедра социального управления и планирования СПбГУ также пытается отслеживать ситуацию, фиксируя данные о наличии этических комиссий и присутствии сведений о протоколах ее работы. Нами была изучена методика анализа протоколов этических комиссий в парламентах провинций Канады, описанная Дж. Фурниером [33].

В табл. 2 представлено описание этических комиссий в некоторых государственных учреждениях. Напомним, что в соответствии с указом Президента РФ № 821 от 26.06.2010 этические комиссии стали обязательными для государственных учреждений, однако ни направления работы комиссий, ни требования к открытости (публичности) в нем не оговаривались. Комиссии созданы под разными названиями, в одной организации их может быть несколько.

Таблица 2. Оценка информации о работе комиссий по этике на сайте соответствующего органа государственной власти или государственной организации

Наименование учреждения	Наименование комиссии	Информация о комиссии
Государственная Дума Федерально-го Собрания Российской Федерации	Комиссия по вопросам депутатской этики	Состоит из 14 человек. Протоколов заседаний нет. В ленте новостей за 2017 г. есть указание на 17 фактов работы комиссии
	Комиссия Аппарата ГД ФС РФ по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов	Создана в 2010 г. как направление борьбы с коррупцией (УП № 821). Указано семь заседаний (за 10 месяцев) в 2017 г. и 10 — в 2016 г. Тексты протоколов выявить не удалось. Упоминание о комиссии на сайте отсутствует
	Комиссия по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, предоставляемых депутатами ГД	Входит 17 человек. Организована в 2013 г. постановлением ГД № 2696-6 (с редакцией в 2015 г.). Председатель — Поклонская Н. В., протоколы не выявлены
Совет Федерации Российской Федерации	Особой (автономной для Совета Федерации) комиссии не имелось вплоть до 2017 г.	Создана в мае 2018 г. по приказу № 189-СФ
Правительство Москвы	Указаний о комиссии (комиссиях) не выявлено	За 2017 и 2018 гг. информация о комиссии отсутствует
	В Московской городской думе есть Комиссия по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами МГД	Действует с 2002 г., был отчет о работе за 2005 г. Разработано положение о комиссии, разъяснений по ее составу и заседаниям нет
Правительство Санкт-Петербурга	Комиссия по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих СПб, замещающих должности руководителей исполнительных органов государственной власти СПб, и урегулированию конфликта интересов (№ 369 от 03.06.2013 ПП СПб)	Созданы комиссии по районам и по некоторым комитетам (например, по молодежной политике), но протоколов об их работе нет. Есть только общее положение о комиссиях. Указания на существование городских комиссий (на 2017 г.) не выявлены
Правительство Ленинградской области	Комиссия по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих ЛО и урегулированию конфликтов интересов в органах ЛО и аппарата мировых судей Комиссия по соблюдению требований к должностному поведению лиц, замещающих государственные должности ЛО в администрации ЛО и урегулированию конфликта интересов	Образована 10 января 2010 г. ПП № 334, Анализ протоколов приведен ниже Комиссия создана ПП ЛО от 14.11.2013 № 410 (с ред. от 14.10.2014 № 459). Информация о работе отсутствует
Санкт-Петербургский государственный университет	Комиссия по этике	Действует с 2012 г. 22 заседания; утвержден Кодекс университета

Источники: Составлено на основании: [34–39].

Используя сайты названных учреждений, мы попытались выявить протоколы этических комиссий. Они были обнаружены только на одном сайте. Протоколы приведены также на сайте СПбГУ, но их анализ, учитывая, что это учебное заведение, нельзя признать характерным для государственного управления. Опишем кратко итоги работы по мониторингу протоколов. Они ведутся с 2009 г. по настоящий момент (2018 г.). Учитывая структуру текстов, оказалось возможным оценить их по трем параметрам: инициатору обсуждений, повестке заседания, структуре принятых решений. Более подробно и в табличных формах результаты анализа представлены в [40]. Здесь же приведем общие выводы.

Итоги анализа инициаторов обсуждения показывают:

- перераспределение инициативы обсуждения от комитетов (которые были инициаторами подавляющего числа дел в период с 2009 по 2012 г.) к специальным комиссиям, отслеживающим информацию, по итогам работы которых делался запрос вице-губернатором. С 2017 г. сотрудники сами стали инициировать обсуждение;
- рост заявлений самих чиновников, прежде всего на выдачу им разрешений на дополнительную занятость, а также по поводу объяснений неполноты сведений о доходах семьи. Так, до 2013 г. их не было совсем, в 2013–2014 гг. они стали причиной примерно трети заседаний, хотя в 2017 г. их доля упала до 15 %;
- падение активности населения в форме жалоб (хотя можно допустить, что причиной этого стало повышение качества работы учреждения).

В рамках изучения структуры обсуждаемых ситуаций было выявлено, что наиболее частыми были обвинения в неполноте сведений о полученных в семье доходах (54 случая), установление фактов владения акциями или их долями (40 случаев), заявление государственного служащего с просьбой разрешить совмещение работы (27 случаев).

Анализируя содержание решений комиссии, можно отметить, во-первых, отсутствие особых прав у комиссии. При серьезных нарушениях она может только проинформировать о них нанимателя, предложив ему самому принять решение. Во-вторых, чаще всего комиссии выносят более чем мягкие решения. Так, самые серьезные наказания заключались в предложении вывести работника из состава ряда комиссий, сделать выговор или замечание; причем доля замечаний больше, чем выговоров.

Думается, что наличие этических комиссий, реализующих контроль за соблюдением норм этики и антикоррупционного поведения в учреждении, усиливает обязанность государственных служащих их соблюдать. Такие комиссии институционально формируют дорожную карту действий по выявлению нарушений и их наказанию. Как часть единой системы этического режима эти комиссии становятся элементом контроля и подотчетности государственных служб населению своей страны и мировому сообществу в целом.

Заключение

Smart Governance как этап государственного управления, построенный на привлечении в систему технологий компьютеризации и расширении возможностей информационного обеспечения принятия решений, качественно меняет

природу взаимодействия правительства и населения. Создание новых технологий оценивания качества управления в системах разного уровня (например, с помощью режимных сравнений) формирует возможности объективных критериев отбора их руководителей. Внедрение новых институтов социального контроля (включая этические кодексы и режимы) совершенствует механизмы постоянного контроля общества за людьми, исполняющими властные полномочия.

Литература

1. Основы государственного и муниципального управления: Public Administration / под ред. Г. А. Меньшиковой, Н. А. Пруеля. М.: Юрайт, 2016. 340 с.
2. Scholl C. J., Scholl M. C. Smart Governance: a roadmap for research and practice // Proceedings of the 9th i-conference / M. Kindling, E. Greifeneder, eds. Berlin: Illinois digital Environment for Access to Learning and Scholarship (IDEALS), 2014. P. 163–176. URL: https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/47408/060_ready.pdf?sequence=2 (дата обращения: 13.08.2018).
3. Sudan R. Towards SMART Government: the Andhra Pradesh Experience // Indian Journal of Public Administration. 2000. Vol. 46. P. 401–410.
4. Deakin M. From Intelligent to Smart cities, Journal of Intelligent buildings. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17508975.2011.586671> (дата обращения: 19.10.2017).
5. Основы государственного и муниципального управления. Агенты и технологии принятия политических решений / под ред. Меньшиковой Г. А. М.: Юрайт, 2018. 387 с.
6. Johnston E. W., Hansen D. L. Design lessons for Smart Governance Infrastructure // American Governance. 2011. Vol. 3. P. 1–30.
7. Willke H. Smart Governance. Governing the Global knowledge Society. Frankfurt: Campus Verlag CMBH, 2007. 222 p.
8. Scholl C. J., Scholl M. C. Smart Governance: a roadmap for Research and Practice // University of Washington, Conference, 2008. URL: https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/47408/060_ready.pdf?sequence=2 (дата обращения: 20.10.2017).
9. Smart Governance and Technology. Report PWC (Pricewaterhouse Cooper), 2013. URL: <https://www.pwc.in/assets/pdfs/publications/2013/smart-governance-and-technology.pdf> (дата обращения: 20.10.2017).
10. Smart Governance in a Smart Nation. A Singapore perspective, 2015. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/sg/Documents/risk/sea-risk-smart-governance-thought-leadership-noexp.pdf>, (дата обращения: 20.10.2017).
11. Hollands R. G. Will the real smart city stand up! // City. 2008. Vol. 12. P. 303–320.
12. Архипова В. В., Комолов О. О. Развитие международных санкционных режимов: исторический аспект // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 3. URL: <http://rusrand.ru/analitics/razvitie-mejdnarodnyh-sankcionnyh-rejimov-istoricheskiy-aspekt> (дата обращения: 22.10.2017).
13. Конаева Е. В. Эволюция политических режимов в субъектах РФ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/announcement/2013/yanvary/> (дата обращения: 22.10.2017).
14. Ледаев В. Г. Городские политические режимы. Теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука. 2008. № 3. С. 32–60.
15. Оболонский А. В. Этические аспекты регулирования государственной службы // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 53–64.
16. Ruggie J. G. International Response to Technologies, Concepts and Trends // International organizations. 1975. Vol. 29, is. 3. P. 557–583.
17. Krasner S. D. International Regimes. Ithaca; NY: Cornell University Press, 1983. 368 p.
18. Keohane R. O. International Institutions and State Power, essays in International relations theory. Boulder: Westview Press, 1989. 270 p.
19. Kratochwill F. The Puzzles of Politics: Inquiries into Genesis and Transformation of International Relations. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2010. 304 p.
20. Young O. Creating Regimes, Arctic Accords and International Governance. Ithaca; London: Cornell University Press, 1998. 230 p.
21. Schmitter F., Terry L. C. What democracy is or not is not // Journal of Democracy. 1991. № 2 (summer). P. 76–86.

22. *Dowding K., Dunleavy P., King D., Rydin V.* Regime politics in London Local Government // *Urban Affairs review*. 1999. Vol. 34, N 4. P. 515–545.
23. *Humelton J.B.* Macroeconomic Regimes and Regime shifts, 2015. URL: http://econweb.ucsd.edu/~jhamilto/handbook_regimes.pdf (дата обращения: 13.08.2018).
24. *Dimitraki O.* The growth impact of political regimes and instability: empirical evidences from Western Europe: a thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Brunel University, 2011. 224 p.
25. *Askary S.* Ethics and accounting, Which Regime best protects the Public good? Abu-Dabu Univ, ICE, 2015. 26 p. URL: https://editorialexpress.com/cgi-bin/conference/download.cgi?db_name=ACE2015&paper_id=284 (дата обращения: 13.08.2018).
26. *Stokke O.S.* Determining the Effectiveness of International Regimes, 2007 (the report for the conference). URL: <http://www.svt.ntnu.no/iss/fagkonferanse2007/intern/papers/olav.s.stokke%40fni.noStokkeDeterminingRegimeEffectiveness.PDF> (дата обращения: 22.10.2017).
27. *Бадью А.* Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / пер. с фр. М.: Логос, 2005. 240 с.
28. *Hasenclever A., Mayer P., Rittberger V.* Integrating Theories of International Regimes // *Review of International Studies*. 2001. Vol. 26, N 1 (jan.). P. 3–333.
29. *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // *Социо-Логос*. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 191–218.
30. *Stupenhurst R., Pelesso R.* Legislative Ethics and Codes of Behavior. World Bank Institute Papers, 2004. 25 p. URL: <http://documents.wbim.org/curated/ru/894431468323056040/pdf/33034a10ParliamentaryEthics1final.pdf> (дата обращения: 13.08.2018).
31. *Legislative Ethics. A comparative Analyses, Legislative Research Paper // National Democratic Institute*. 1999. Paper 4. P. 53.
32. *Demmke C., Bovens M., Henökl T., van Lierop K., Moilanen K., Pikker G., Salminen A.* Regulating Conflicts of Interest for Holders of Public Office in the European Union. A Comparative Study of the Rules and Standards of Professional Ethics for the Holders of Public Office in the EU-27 and EU Institutions. 2008. 331 p.
33. *Fournier J.T.* A Perspective from Senate Recent Developments in Canadian Parliamentary Ethics // *Canadian Parliamentary review*. 2009. Summer. P. 9–14.
34. Комитеты и комиссии Государственной Думы // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://old.duma.gov.ru/structure/committees> (дата обращения: 09.06.2018).
35. Комиссия Совета Федерации по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых членами Совета Федерации // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://www.council.gov.ru/structure/commissions/ccf_verification/ (дата обращения: 09.06.2018).
36. Структура Правительства Москвы // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/authority/> (дата обращения: 09.06.2018).
37. Комитеты, управления, инспекции и службы // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/> (дата обращения: 09.06.2018).
38. Органы исполнительной власти Ленинградской области // Официальный сайт Администрации Ленинградской области. URL: http://lenobl.ru/authorities/OIGV_LO (дата обращения: 09.06.2018).
39. Санкт-Петербургский государственный университет. URL: <https://spbu.ru/> (дата обращения: 09.06.2018).
40. *Евстратчик С.В., Меньшикова Г.А.* Место информации в государственном управлении: сравнение мировой и российской практики // *Право и информация: вопросы теории и практики*. Сер. Электронное законодательство. 2014. Вып. 4. С. 97–105.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2017 г.;
рекомендована в печать 22 мая 2018 г.

Контактная информация:

Меньшикова Галина Александровна — канд. экон. наук, доц.; menshikova.g.a@mail.ru
Пруэль Николай Александрович — д-р социол. наук, проф.; pruijel@inbox.ru

Regime comparisons as social technologies Smart Governance

G. A. Menshikova, N. A. Pruel

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Menshikova G. A., Pruel N. A. Regime comparisons as social technologies Smart Governance. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2018, vol. 11, issue 3, pp. 301–318. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.303> (In Russian)

In article approach to Smart Governance as to a new stage of public administration at which the principles of regulation, openness, and transparency introduced within Public Administration, amplify opportunities of the digital economy, monitoring, and computer information processing are offered. The analytics in all set of the directions becomes a way of control and method of Governance improvement. As one of the directions of analytics authors of an article offered to consider the regime theory, to be exact regime comparison. This technology of comparative assessment of the states and regions is rather widespread in foreign science but is seldom applied by the Russian scientists. Its essence consists of assessment, identification of common features and differences of characteristics of a control system. In article approach to regime comparisons as an estimation of activity of the states is actualized: its differences, the directions of estimation and advantages in use are called. The cognitive potential of the method is revealed and specified by a particular example — evaluation of ethical regimes. The article called the 10 criteria of world practice in their evaluation. Based on the monitoring of data on the sites conducted by the authors, it was revealed that there are ethical commissions in the majority of authorities of the Russian Federation. Authors give information on the level of publicity of commissions work. They analyze the protocols of one of the commissions for the period from 2013 to 2017. Analysis of the protocols allowed us to identify three trends in their evaluation. The first is — that person has initiated discussion: complaints of the population, officials, representatives of committees, members of the Commission on assessment of the collected personal data. The second is the issues under discussion. The third is decision-making. The final conclusion is that the Commission was a positive change in the introduction of “smart governance”. Its work updated the phenomenon of conflict of interest among officials and developed procedures for correct behavior.

Keywords: Smart Governance, regime theory, the concept and typology of state regimes, the structure of the national ethical regime, ethical commissions in the Russian Federation.

References

1. *Osnovy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia: Public Administration [State and Municipal Governance: Public Administration]*. Eds G. A. Menshikova, N. A. Pruel. Moscow, Iurait, 2016. 340 p. (In Russian)
2. Scholl C. J., Scholl M. C. Smart Governance: a roadmap for research and practice. *Proceedings of the 9th i-conference*. Eds M. Kindling, E. Greifeneder. Berlin, Illinois digital Environment for Access to Learning and Scholarship (IDEALS), 2014. P. 163–176. Available at: https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/47408/060_ready.pdf?sequence=2 (accessed: 13.08.2018).
3. Sudan R. Towards SMART Government: the Andhra Pradesh Experience. *Indian Journal of Public Administration*, 2000, vol. 46, pp. 401–410.
4. Deakin M. *From Intelligent to Smart cities, Journal of Intelligent buildings*. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17508975.2011.586671> (accessed: 19.10.2017).
5. *Osnovy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniia. Agenty i tekhnologii priniatiia politicheskikh reshenii [State and Municipal Governance: Public Administration. Agents and technologies for political decision-making]*. Ed. by G. A. Menshikova. Moscow, Iurait, 2018. 387 p. (In Russian)
6. Johnston E. W., Hansen D. L. Design lessons for Smart Governance Infrastructure. *American Governance*, 2011, vol. 3, pp. 1–30.

7. Willke H. *Smart Governance. Governing the Global knowledge Society*. Frankfurt, Campus Verlag CMBH, 2007. 222 p.
8. Scholl C. J., Scholl M. C. Smart Governance: a roadmap for Research and Practice. *University of Washington, Conference, 2008*. Available at: https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/47408/060_ready.pdf?sequence=2 (accessed: 20.10.2017).
9. *Smart Governance and Technology. Report PWC (Pricewaterhouse Cooper), 2013*. Available at: <https://www.pwc.in/assets/pdfs/publications/2013/smart-governance-and-technology.pdf> (accessed: 20.10.2017).
10. *Smart Governance in a Smart Nation. A Singapore perspective, 2015*. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/sg/Documents/risk/sea-risk-smart-governance-thought-leadership-noexp.pdf> (accessed: 20.10.2017).
11. Hollands R. G. Will the real smart city stand up! *City*, 2008, vol. 12, pp. 303–320.
12. Arkhipova V. V., Komolov O. O. Razvitie mezhdunarodnykh sanktsionnykh rezhimov: istoricheskii aspekt [Development of International Sanctions Regimes in a Historical Perspective]. *Rossiiskii vneshe-ekonomicheskii vestnik*, 2014, no. 3. Available at: <http://rusrand.ru/analytics/razvitie-mejdunarodnyh-sanktsionnyh-rezhimov-istoricheskii-aspekt> (accessed: 22.10.2017). (In Russian)
13. Kopaeva E. V. *Evolutsiia politicheskikh rezhimov v sub'ektakh RF [Evolution of political regimes in the subjects of the Russian Federation]*, thesis abstract. Moscow, 2013. 24 p. Available at: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/announcement/2013/yanvary/> (accessed: 22.10.2017). (In Russian)
14. Lediaev V. G. Gorodskie politicheskie rezhimy. Teoriia i opyt empiricheskogo issledovaniia [Urban Political Regimes: Theory and experience of empirical research]. *Politicheskaiia nauka*, 2008, no. 3, pp. 32–60. (In Russian)
15. Obolonskii A. V. Eticheskie aspekty regulirovaniia gosudarstvennoi sluzhby [Ethical aspects of civil service regulation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2004, no. 6, pp. 53–64. (In Russian)
16. Ruggie J. G. International Response to Technologies, Concepts and Trends. *International organizations*, 1975, vol. 29, issue 3, pp. 557–583.
17. Krasner S. D. *International Regimes*. Ithaca, NY, Cornell University Press, 1983. 368 p.
18. Keohane R. O. *International Institutions and State Power, essays in International relations theory*. Boulder, Westview Press, 1989. 270 p.
19. Kratochwill F. *The Puzzles of Politics: Inquiries into Genesis and Transformation of International Relations*. London, New York, Routledge Taylor & Francis Group, 2010. 304 p.
20. Young O. *Creating Regimes, Arctic Accords and International Governance*. Ithaca, London, Cornell University Press, 1998. 230 p.
21. Schmitter F., Terry L. C. What democracy is or not is not. *Journal of Democracy*, 1991, no. 2 (summer), pp. 76–86.
22. Dowding K., Dunleavy P., King D., Rydin V. Regime politics in London Local Government. *Urban Affairs review*, 1999, vol. 34, no. 4, pp. 515–545.
23. Humelton J. B. *Macroeconomic Regimes and Regime shifts*, 2015. Available at: http://econweb.ucsd.edu/~jhamilto/handbook_regimes.pdf (accessed: 13.08.2018).
24. Dimitraki O. *The growth impact of political regimes and instability: empirical evidences from Western Europe*: a thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Brunel University, 2011. 224 p.
25. Askary S. *Ethics and accounting. Which Regime best protects the Public good?* Abu-Dabu Univ, ICE, 2015. 26 p. Available at: https://editorialexpress.com/cgi-bin/conference/download.cgi?db_name=ACE2015&paper_id=284 (accessed: 13.08.2018).
26. Stokke O. S. *Determining the Effectiveness of International Regimes, 2007 (the report for the conference)*. Available at: <http://www.svt.ntnu.no/iss/fagkonferanse2007/intern/papers/olav.s.stokke%40fni.noStokkeDeterminRegimeEffectiveness.PDF> (accessed: 22.10.2017).
27. Bad'iu A. *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkii traktat po metapolitike [Meta/Politics: is it Possible to think politics? A brief treatise on metapolitics]*. Transl. from french. Moscow, Logos Publ, 2005. 240 p. (In Russian)
28. Hasenclever A., Mayer P., Rittberger V. Integrating Theories of International Regimes. *Review of International Studies*, 2001, vol. 26, no. 1 (jan.), pp. 3–333.
29. Luhmann N. Tautologiya i paradoks v samoopisaniakh sovremennogo obshchestva [Tautologie und Paradoxie in der Selbstbeschreibungen der modernen Gesellschaft]. *Sotsio-Logos*, issue 1. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 191–218. (In Russian)
30. Stupenhurst R., Pelesso R. *Legislative Ethics and Codes of Behavior. World Bank Institute Papers, 2004*. 25 p. Available at: <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/894431468323056040/pdf/33034a10ParliamentaryEthics1final.pdf> (accessed: 13.08.2018).

31. Legislative Ethics. A comparative Analyses, Legislative Research Paper. *National Democratic Institute*, 1999, Paper 4, p. 53.
32. Demmke C., Bovens M., Henökl T., van Lierop K., Moilanen K., Pikker G., Salminen A. *Regulating Conflicts of Interest for Holders of Public Office in the European Union. A Comparative Study of the Rules and Standards of Professional Ethics for the Holders of Public Office in the EU-27 and EU Institutions*. 2008. 331 p.
33. Fournier J. T. A Perspective from Senate Recent Developments in Canadian Parliamentary Ethics. *Canadian Parliamentary review*, 2009, Summer, pp. 9–14.
34. Komitety i komissii Gosudarstvennoi Dumy [The State Duma committees and commissions]. *Gosudarstvennaia Duma. Ofitsial'nyi sait* [The State Duma. Official website]. Available at: <http://old.duma.gov.ru/structure/committees> (accessed: 09.06.2018). (In Russian)
35. Komissiiia Soveta Federatsii po kontroliu za dostovernost'iu svedenii o dokhodakh, ob imushchestve i obiazatel'stvakh imushchestvennogo kharaktera, predstavliaemykh chlenami Soveta Federatsii [Commission of the Council of Federation on the control of the reliability of information on income, property and liabilities of a property nature, represented by members of the Federation Council]. *Sovet Federatsii Federal'nogo Sobraniia Rossiiskoi Federatsii* [The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Official website]. Available at: http://www.council.gov.ru/structure/commissions/ccf_verification/ (accessed: 09.06.2018). (In Russian)
36. Struktura Pravitel'stva Moskvy [Structure of the Moscow Government]. *Ofitsial'nyi sait Mera Moskvy* [Official website of the Mayor of the City of Moscow]. Available at: <https://www.mos.ru/authority/> (accessed: 09.06.2018). (In Russian)
37. Komitety, upravleniia, inspektsii i sluzhby [Committees, administrations, inspections and services]. *Ofitsial'nyi sait Administratsii Sankt-Peterburga* [Official website of the Saint Petersburg City Administration]. Available at: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/> (accessed: 09.06.2018). (In Russian)
38. Organy ispolnitel'noi vlasti Leningradskoi oblasti [Executive agencies of the Leningrad Oblast]. *Ofitsial'nyi sait Administratsii Leningradskoi oblasti* [Official website of the Leningrad Oblast Administration]. Available at: http://lenobl.ru/authorities/OIGV_LO (accessed: 09.06.2018). (In Russian)
39. *Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet* [St. Petersburg State University]. Available at: <https://spbu.ru/> (accessed: 09.06.2018). (In Russian)
40. Evstratchik S. V., Men'shikova G. A. Mesto informatsii v gosudarstvennom upravlenii: sravnenie mirovoi i rossiiskoi praktiki [The role of Information in State Governance: the comparison between Russian and world Practics]. *Pravo i informatsiia: voprosy teorii i praktiki*. Ser. Elektronnoe zakonodatel'stvo, 2014, issue 4, pp. 97–105. (In Russian)

Received: November 1, 2017

Accepted: May 22, 2018

Author's information:

Galina A. Menshikova — PhD, Associate professor; menshikova.g.a@mail.ru

Nikolai A. Pruel — PhD, professor; pruijel@inbox.ru